

ной реальности. Там были - и есть - культуры и народы, чьим местоположением является Восток, и их жизни, истории и обычаи имеют жестокую реальность несомненно большую, чем что бы то ни было из того, что сказано о них на Западе. Но явление ориентализма, как я его здесь рассматриваю, имеет дело не только с соответствием между ориентализмом/востоковедением и Востоком, сколько с внутренней последовательностью востоковедения и его идеями о Востоке (Восток как карьера) вне любого соответствия с "настоящим" Востоком. Дело в том, что утверждение Дизраэли о Востоке относится в основном к созданной последовательности (тому регулярному созвездию идей, в котором Восток предстает в качестве "выдающейся вещи"), а вовсе не к его простому бытию.

Второе ограничение заключается в том, что идеи, культуры и истории не могут быть серьезно поняты и исследованы, если их силы, или более точно, их конфигурации власти, не изучаются одновременно. Верить в то, что Восток был создан или, как я называю, "ориентализован", значит верить в то, что подобные вещи случаются просто как необходимость воображения, и, следовательно, быть неискренним. Отношение между Западом и Востоком является отношением власти, господствования и различных степеней сложной гегемонии, что метко отмечено в названии классической книги К.М.Паникара "Азия и западное господство". Восток был овосточен не только потому, что его открыли как "Восток" всеми теми путями, что считаются банальными для средних европейцев девятнадцатого века, но также и потому, что он мог быть подчинен, то есть - сделан Востоком. Трудно согласиться, например, с тем фактом, что описание Флобером его встречи с египетской куртизанкой создало чрезвычайно влиятельную модель восточной женщины; восточная женщина никогда не говорила сама за себя, она никогда не представляла свои эмоции, настоящая или историю. Флобер (или европеец вообще) говорил за нее и представлял ее. Это был иностранец, относительно богатый, мужского пола, и это было обусловлено историческими фактами господства, которые позволили ему не только обладать Kuchuk Hanem физически, но и говорить за нее, рассказав своим читателям, каким образом она была "типически восточной". Мой аргумент состоит в том, что ситуация силового преимущества Флобера над Kuchuk Hanem не была изолированным случаем.

Это ведет нас к третьему ограничению. Не стоит предполагать, что структура востоковедения является только структурой лжи или мифов, которые при свете рассказанной о них правде просто улетучаются. Сам я полагаю, что ориентализм более ценен как знак Европейско-Атлантической власти над Востоком, чем как рассуждение о Востоке. Тем не менее, нам необходимо уважать абсолютно связанную в целом силу востоковедческого рассуждения, а также его очень тесные узы с имеющими реальными властными возможностями социально-экономическими институтами. В конце концов, любая система идей, которая остается неизменной как обучающая мудрость (в академиях, книгах, на конгрессах, в университетах, дипломатических институтах) со времен Эрнста Ренана (с конца 1840-х годов) и до сегодняшнего времени в Соединенных Штатах, должна быть чем-то более серьезным, чем простое собрание лжи. Ориентализм, следовательно, это не воздушная европейская фантазия о Востоке, но созданное тело теории и практики, приращаемое в течение многих поколений. Ориентализм оформился окончательно как система знания о Востоке, как своеобразная сетка для фильтрации Востока в западное сознание.

Стратегически ориентализм зависит от гибкого позиционного превосходства, что связывает западного человека с целым рядом возможных отношений с Востоком без утраты его относительной самодостаточности. И почему же это должно быть по-другому, особенно в течение экстраординарного восхождения от позднего Возрождения и до настоящего времени? Деятель науки, ученый, миссионер, торговец или солдат - был на Востоке, или думал о нем потому, что он МОГ ТАМ БЫТЬ или МОГ ДУМАТЬ О НЕМ с очень небольшим сопротивлением со стороны Востока. Под общим заголовком знания о Востоке и под зонтом западной гегемонии над Востоком с конца XVIII века возникает "сложный" Восток, подходящий для изучения в академии, показа в музее, воспроизведения в колониальном офисе, для теоретической иллюстрации в антропологических, биологических, лингвистических, расовых или исторических диссертациях, для примеров в экономических и социологических построениях и теориях о развитии, революционных процессах, национальных или религиозных характерах. Воображаемое изучение "восточных вещей" всегда было основано исключительно на верховном западном сознании и его неподвергаемой центральности. Если мы можем указать на великие востоковедческие работы, нам также следует заметить, что расовые идеи Renan и Gobinea порождены тем же импульсом, что и огромное количество викторианских порнографических романов...

Из "РАЗМАХА ОРИЕНТАЛИЗМА"

Близость между политикой и востоковедением, или говоря осмелее, большая вероятность того, что идеи о Востоке, срифмованные с ориентализма, могут использоваться политически, является важной, хотя и крайне чувствительной правдой. Это поднимает вопросы о предрасположенности к невинности или вине, научной незаинтересованности или соучастию в таких областях, как исследование женщин или темнокожих. Это по необходимости вызывает беспокойство по поводу культурных, расовых или исторических обобщений. Более, чем что либо еще, политические и культурные обстоятельства, в которых процветал западный ориентализм, привлекают внимание к пониженному положению Востока или "восточного" как объекта изучения. Может ли что-либо еще, кроме политического отношения по формуле "господин-раб", произвести "овосточенный" Восток, превосходно охарактеризованный в свое время Анваром Абделем Малеком?..

На уровне постановки проблемы Восток и жители Востока рассматриваются ориентализмом как "объект исследования", заклеиваемый инаковостью - как все то, что отлично, являясь ли "субъектом", или "объектом" - но составляемой инаковостью характера... Этот "объект" анализа будет, как принято, пассивным, не-участвующим, наделенным "исторической" субъектностью, более всего не-активной, не-независимой, не-суверенной по отношению к себе: только то Восток или "восточное" или "субъект", что можно принять, в крайнем случае, как отчужденное бытие, то есть философски как нечто иное, пригодное или непригодное для приложения своих сил...

На уровне тематики ориенталисты (востоковеды) принимают эссенциалистскую концепцию об изучаемых странах, нациях и народах Востока, концепцию, которая выражает себя через очерченную этнологами типологию и едва ли не опускается до расизма.

Таким образом, мы получаем типологию, основанную на настоящей специфичности, но оторванную от истории и, следовательно, понятую как сущностно неосязаемую: Что делает изучаемый "объект" другим существом относительно того, к кому изучающий субъект трансцендентален? Со времени греческой античности "нормальный человек" - это европейский человек, все остальные воспринимались как "деформированные" или "недоразвитые". Можно наблюдать, как явно, с восемнадцатого и до двадцатого столетия, гегемонизм обладающих меньшинств, раскрытый Марксом и Энгельсом и антропоцентризм, разработанный Фрейдом, сопровождается европоцентризмом в области человеческих и социальных наук и особенно тех, которые имеют прямое отношение к не-европейским народам.

Анвар Абдель Малек рассматривает ориентализм, в котором "восточное" трактуется в категориях конца XIX века, как концепт, направляющий в исторический тупик. Теперь мы кратко опишем историю, поглотившую девятнадцатое столетие, совершенно отчетливого формирования "гегемонизма обладающих меньшинств" и антропоцентризма в купе с европоцентризмом. С последних десятилетий XVIII века и в течение, по меньшей мере, полутора веков, Англия и Франция господствовали над востоковедением как дисциплиной. Большие филологические открытия, сделанные в сравнительной грамматике, были первоначально обязаны манускриптам, привезенным с Востока в Париж и Лондон. Почти без исключения, каждый востоковед начинал свою карьеру как филолог, и революция в филологии, произведенная ими и их студентами, заключалась в создании сравнительной науки, основанной на предпосылке, что языки принадлежат семьям, из которых индоевропейские и семитские являются самыми представительными. С самого начала, следовательно, востоковедение определялось двумя чертами: 1) вновь найденным научным самосознанием, основанным на лингвистической важности Востока для Европы и 2) склонностью анализировать предмет своего исследования, воспринимая Восток как нечто неизменное, единообразное и радикально особенное.

Я уверен, что ислам и сейчас и всегда был представлен на Западе в фундаментально искаженном виде. Настоящий вопрос состоит в том, возможно ли вообще истинное представление о чем-либо, что уже прочно, на уровне архетипов, впаяно в язык и культуру, в социальные и политические институты?...

Представления, базирующиеся на ориентализме, в европейской культуре составляют то, что мы можем назвать рассудительной последовательностью, которая имеет не только историю, но и материальное (и институциональное) присутствие. Как и в связи с Ренаном такая последовательность была формой культурного праксиса, системой возможностей для систематизации утверждений о Востоке. Дело не в том, что система эта является искаженным представлением о некоторой "восточной" сущности (эссенции) - в которую я не верю ни на мгновение - но в том, что она действует так, как обычно действуют представления/изображения ради цели, в соответствии с тенденцией, в специфическом, историческом, интеллектуальном и даже экономическом установлении. Другими словами, представления имеют цели, они почти всегда эффективны, ибо выполняют одну или несколько задач. Представления являются формациями, или, как сказал Роланд Барфс о динамике языковых изменений - деформациями. Восток как европейское представление сформирован - или деформирован, исходя из особенной чувствительности по отношению к географическому региону под названием "Восток". Европейские или проевропейские специалисты исследуют Восток, потому что во времени их профессиональная принадлежность к востоковедению требует, чтобы они предоставили своему обществу образы Востока, знания о нем, проникновение в него. И в значительной степени востоковед обеспечивает свое собственное общество представлениями/изображениями Востока, которые несут на себе отличный отпечаток ориентализма, его концепцию, его взгляды на то, чем Восток может или должен быть для Европы (Америки), которые сознательно оспаривают что-либо еще мнение о Востоке, которые наполняют востоковедческое рассуждение тем, в чем оно в этот конкретный момент наиболее нуждается, и которые отвечают определенным культурным, профессиональным, национальным, политическим и экономическим требованиям эпохи...